

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ: МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Накишова Марина Тазабаевна

лаборант-исследователь, Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, РФ, г. Екатеринбург

Service class people of Siberia: markers of social self-identification during the latter half of the XVII century

Marina Nakishova

assistant researcher of The Laboratory for the Study of Primary Sources of The Ural Federal University of a name of the first President of Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.»

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос социальной самоидентификации служилых людей в Сибири XVII в. Основное внимание уделяется маркерам идентификации, используемым служилыми людьми при написании челобитных. Также поднимается проблема географической привязки как практики, позволяющей обеспечить временное объединение различных категорий служилого населения.

Abstract. The article deals with the issue of service class people's social self-identification in Siberia in XVII century. The great attention is given to the identification markers used by service class people when writing petitions. Also, the problem of geographic reference as a practice which allows providing temporary association of various categories of the service class population is raised.

Ключевые слова: служилые люди; Сибирь; самоидентификация; идентификация; географический фактор; маркеры.

Keywords: service class people; Siberia; self-identification; identification; geographic factor; markers.

История Сибири в XVII в. тесно связана с процессом освоения этой территории. Распространяя свою власть за Уральский хребет, правительство испытывало необходимость в конструировании некоего социального пространства, которое могло бы подчинить себе еще неизведанные просторы Сибири и сделать их мощной ресурсной базой. Существовало множество способов, с помощью которых возможно было обеспечить эту подчиненность: часть земель передавалась в частное владение Строгановым, которым удалось создать государство внутри государства, с завидной регулярностью на разведки и на сборы ясака посылались

отряды казаков и т.д. Особую роль играла политика создания на местах городских служилых корпораций, обеспечивавших безопасность границ, хозяйственное освоение, регулярность выплаты ясака и, таким образом, реализовывавших на практике волю центра.

Пожалуй, одним из самых популярных среди исследователей является вопрос формирования служилого контингента сибирских городов. Так, Н. И. Никитин в своей монографии «Служилые люди в Западной Сибири XVII века» выделяет несколько путей. На начальном этапе сибирские гарнизоны складывались за счет отрядов правительственных войск, переведенных на «вечное житье» из ближайших городов, отрядов казаков, а также ссыльных иностранцев или представителей коренного населения (новокрещенных). В дальнейшем они пополнялись в результате наборов на местах, прежде всего, из детей местных служилых и тяглых людей. Стоит отметить, что редконаселенная Сибирь не знала массовых переводов крестьян в служилую категорию, позже стали воздерживаться и от верстаний ссыльных как неблагонадежной категории. Не могло быть и крупных верстаний посадских людей в стрельцы. В противоположность, получила известное распространение практика перехода служилых людей в категорию тяглых. Установить, по чьей инициативе совершался подобный переход Никитину не удалось, но он отмечает очевидный добровольный характер «становления в пашню» [3, с. 58].

Важность практики административных посылок служилых людей из районов, которые уже считались обжитыми и менее нуждались в ратных силах, в районы нового освоения, в частности, в Нерчинский уезд, подчеркивает Е. А. Леонтьева. «Таковыми районами, – пишет она, – во второй половине XVII века были уезды Западной Сибири, из которых по мере необходимости в Восточную Сибирь посылались партии служилых людей с периодической их заменой. Такие командировки в сибирской практике назывались “посылками на годовые службы”, а сами служилые “годовальщиками”» [2, с. 28]. При этом в основе посылок лежал принцип выборности и очередности.

Конечно, невозможно не упомянуть об иностранном контингенте, сыгравшем важную роль в освоении Сибири. Иноземцы, большинством из которых были поляки и «литва», попадали в Сибирь тремя способами. Первую группу составляли военнопленные, захваченные либо непосредственно после боя, либо «в языцах». Вторые – те, кто добровольно согласился служить в Сибири, т.е. переведенцы. Остальные были сосланы за преступления, торговлю вином, убийство, пребывание во вражеском стане (измену), подготовку к переходу границы и т.д. [7, с. 86]. Иноземцев в русских сотнях было немного, из них, чаще всего, формировали отдельные, так называемые, «литовские списки». Лишь в небольших гарнизонах верстание ссыльных иноземцев и новокрещенных в казаки и стрельцы было обычным явлением. Но несмотря на это, «литва» всегда занимала высокое место в сибирской общественной иерархии, следуя прямо за детьми боярскими в окладных книгах.

Таким образом, мы можем заметить, что категории, составившие группу сибирских служилых людей, были более чем разнообразны. Они имели совершенно отличающееся друг от друга происхождение, различное исходное социальное и экономическое положение и, соответственно, по-разному смотрели на жизнь. Волей случая попадая в Сибирь, они должны были приспособиться к новому социальному пространству, найти свою братию и создать социальные связи. Как служилые люди определяли себя в новой реальности? Как обозначали свою братию? Забывали ли свое происхождение или продолжали идентифицировать себя по-старому? Все эти вопросы требуют тщательного исследования. Мы в данной статье лишь наметим аспекты, подробная разработка которых планируется в дальнейшем.

Когда исследователь обращается к проблемам идентификации и самоидентификации, перед ним неизменно становится необходимость выбора источников. В поле зрения, при отсутствии для XVII в. богатой мемуарной литературы, произведений художественной литературы и эпистолярного жанра, попадают многочисленные челобитные служилых людей, которые с достаточной долей достоверности дают представления о социальной принадлежности просителя. Как отмечает Е. В. Бородина, «традиционной причиной составления челобитной являлась конфликтная ситуация, которая могла проявляться как в форме невыполнения или ненадлежащего выполнения гражданско-правовых обязательств, так и в виде «горячих» конфликтов, вызванных прямыми межличностными столкновениями по разнообразным вопросам внутрисемейного быта и соседского сосуществования. Несмотря на то, что большая

часть данных источников была составлена в судебных канцеляриях местными делопроизводителями в лице подъячих младших рангов и, таким образом, содержит в себе наряду с голосом обиженного голос представителя государственного аппарата, челобитья прекрасно отражают социальную архитектуру любого региона» [1, с. 26-27].

Обращаться к государю с челобитной сибирскому служилому человеку приходилось довольно часто. Правда, отдаленность региона обуславливала условность этого прошения (многие конфликты приходилось решать на местах) и крайнюю затянутость ожидания решения. Сообщая просьбу официальному лицу, челобитчик идентифицировал себя, используя определенный набор маркеров, варьирующихся от ситуации к ситуации.

Так, он мог представиться согласно своему положению по службе, как «из Сибири тарского города казачий атаманишко Ивашка Перфирьев» [5, Л. 15], или согласно сословному статусу, как «из Сибири березова города сынчишко боярской Фетка Бобарыкин» [6, Л. 474]. Кроме того, челобитчики могли особо выделять географическое положение службы – «бьют челом холопы твои государевой дальней твоей заочной отчины великой реки Лены казачишки» [4, с. 79] или этническое происхождение – «холопы твои табольского города литовского списку конные казаки Якупка Чернызов с товарищи да бретовские служивые татаровя ... всех двенадцать человек» [5, Л. 177]. Пожалуй, мы можем назвать эти маркеры основными. Лишь изредка (в отличие от центральной России) к ним просители добавляли свои биографические данные, сведения о материальном достатке, духовном состоянии. В 1662 г. Алексею Михайловичу о назначении в Томскую съезжую избу на место умершего подъячего просил «бедный и беспомощный сибирец томского города конный казачишко Тишка Великоселсков» [5, Л. 109].

Важно подчеркнуть, что чаще всего мы находим случаи не индивидуальных идентификаций, а групповых: авторами одной челобитной выступали люди совершенно разных идентичностей. С вполне традиционной просьбой о выдаче за прошлые годы денежного и хлебного жалования обращались к царю «холопы твои из Сибири тюменского города головы и ротмистры, и дети боярские, и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и ясаулы, литва, и конные и пешие стрельцы, и казаки, пятидесятники, и десятники, и рядовые, и ружники, и оброчники, и юртовские служилые татаровя» [5, Л. 283].

Общая принадлежность к сибирскому региону подчеркивалась двойной привязкой: взаимозаменяемыми формулами «сибирец», «сибирянин», «из Сибири» и обозначением города, острога, региона службы. Фактически, Сибирь воспринималась, как отдельная страна, служба которой требует невероятных усилий.

Подобное единство не удивительно, ведь в трудных условиях Сибири служилые люди фактически были в равных условиях, имели одинаковые чаяния и проблемы: голод, холод, дальние посылки, невыплаты жалования, нехватка оружия и пороха. Их объединяли не столько абстрактные чины или иные социальные группы, а география, пространственная привязка. Она же являлась главным аргументом для того, чтобы просьба, изложенная в челобитной, была удовлетворена. Так, практически в каждой челобитной встречаются подобные формулы: «пожалуй меня, бедного и разоренного холопа своего, за службу и за мои многие службы и дальние посылки, и за всякое нужное терпения, и за мучения, и за увечья» [5, Л. 109] или «пожалуй нас, холопей своих, своим великого государя на прошлые годы денежным жалованием в доимку и хлебным жалованием на прошлый на 7171 год, и на нынешний на 7172 год рожью и овсом, и своим великого государя денежным жалованием вперед на 7173 год для своей великого государя службы и для нашей нужды и бедности и бесконства, чтоб нам, холопам твоим, впредь твоей великого государя службы не отбыть и в конец не погибнуть, и не разориться, и в рознь не разбрестись» [5, Л. 283].

Таким образом, нельзя не заметить крайнюю подвижность категорий сибирского населения и слабость сословных перегородок. Служилый человек, прежде всего, вынужден был приспособливаться к суровой действительности и даже самоидентификация служила этой цели. Ему важно было подчеркнуть географическую принадлежность своей службы, трудность условий и собственные жертвы, так как именно в этом он видел последнюю возможность извлечь наибольшую выгоду.

Список литературы:

1. Бородина Е.В. Сословная идентификация населения Западной Сибири в 1720-е гг. (по материалам Тюменской судебной канцелярии) [Электронный ресурс] // Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII-XX вв.: материалы первого Всероссийского научного семинара. Екатеринбург: БКИ, 2014. С. 22-42. URL: <http://www.ihist.uran.ru/SoslovnayaIden> (дата обращения: 05.12.2016).
2. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII - первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2012. 320 с.
3. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1988. 254 с.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 261.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 561.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 626.
7. Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : [б. и.], 2004. 212 с.